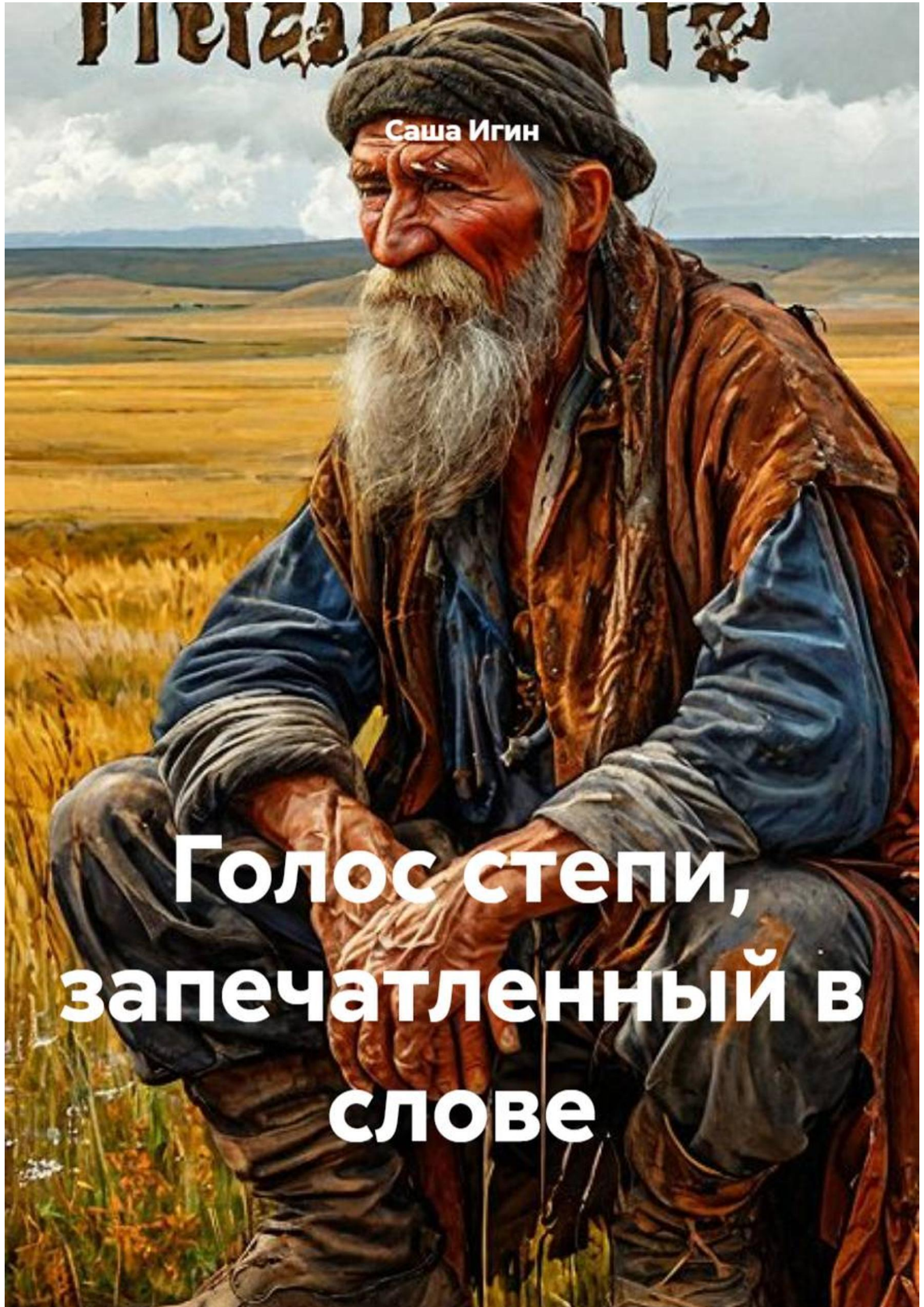

Голос степи

Саша Игин

Голос степи,
запечатленный в
слове

Саша Игин

**Голос степи,
запечатленный в слове**

«Автор»

2026

Игин С.

Голос степи, запечатленный в слове / С. Игин — «Автор», 2026

Это роман-трагедия о мальчике с "той стороны" железной дороги, из пыльной Арыси, который решил запечатлеть голос своей земли. Искандер Арысов — не герой войны и не политик. Он летописец. Собиратель. Страж. Тот, кто посвятил жизнь одной древней игре — Тогыз кумалак, — чтобы спасти её от забвения. История начинается в 1960-х годах, в доме под шиферным навесом, где Дед учит мальчика перебирать костяные камешки. Через десятилетия этот мальчик уедет в Москву, пройдет через отказы издательств, нищету и одиночество, но создаст энциклопедию — фундаментальный труд, который вернёт казахскому народу его интеллектуальное наследие. Один нобелевский лауреат, говорил: "Литература должна пахнуть землёй". Этот роман пахнет креозотом, сухой травой и вечностью. Он о том, как слово может стать судьбой. Как игра — жизнью. Как один человек способен изменить мир, если он слышит голос степи. Книга обречена жить, потому что голос, запечатлённый в слове, не умирает никогда.

© Игин С., 2026

© Автор, 2026

Саша Игин

Голос степи, запечатленный в слове

Глава первая. Солянка, железка и костяные барашки

В мире, где пахнет мочой и детством, рождаются самые важные слова. Запах — это первая память, она не обманывает, не искажает, не приукрашивает, как бабушкины сказки на сон грядущий. Если бы я, Голос Степи, внятный только тем, кто умеет слушать тишину между шпал, захотел бы начать историю этого мальчика, я начал бы её не с даты в паспорте и не с крика акушерки. Я начал бы её с запаха креозота.

Этот запах был Богом и Дьяволом Арыси. Он сочился из земли возле шпалопропиточного завода, въедался в одежду рабочих, в гривы дворовых собак, в суп, что варила мать на керосинке. Город пах могилой старого дерева и будущим составом, которые умчат тебя в никуда. Дети «той стороны» — той, что за железной дорогой, где начиналась солянка и ледзавод, — рождались уже с этим запахом в легких. И Искандер Арысов не был исключением. Солнце Южного Казахстана палило так, что воздух над рельсами плавился, становясь похожим на воду, а далекие тополя у вокзала казались миражами, плывущими в знойном мареве. И только запах креозота был реален. Он был границей между миром живых и миром вещей, между детством и той тягучей, липкой зрелостью, которая ждала за углом.

Отец ушёл из жизни раньше, чем Искандер научился отличать «туман» от «козла» по стуку колёс. Отец ушёл, оставив после себя лишь гулкий, пустой звук, как если бы кто-то ударил лопатой по пустому бидону. Вместо него в доме была Мать — учительница с тонкими, как стебли ковыля, пальцами, пахнущими мелом и усталостью. И был старший брат. Тот работал на деповских путях, и его кожа на руках, даже после душа, оставалась навсегда серой, с чёрными прожилками мазута. Брат почти не разговаривал — он хрипел. Как старый паровоз, у которого сорвали голос. В Арыси все мужчины хрипели. Они глотали угольную пыль с воздухом и выдыхали её судьбой.

И был Дед. Абдулла.

Дед сидел во дворе, под навесом из шифера, и его тень падала на доску с лунками так, будто весь мир был лишь доской, а небом — тень. Искандеру тогда было лет, может, пять, может, семь — возраст, когда время измеряется не часами, а количеством прошедших поездов. Дедовы пальцы, кривые от артрита, как корни карагача, перебирали камешки. Но это были не простые камни, подобранные на обочине. Нет. Эти камни были живыми. Они были вырезаны из бараньей кости, отполированы до масляного блеска сотнями тысяч прикосновений. Прадед, говорят, вырезал их в тот год, когда в степи случился джунт, и люди умирали не от голода, а от горя, глядя на пустые отары. Он вырезал девяносто два барашка — по числу сур, что в Коране, — чтобы отогнать беду. Беда ушла, а барашки остались. Они лежали в мешочке из замши, прошитой конским волосом, и пахли временем — кисловатым, пряным, с горчинкой смерти.

— Сынок, — говорил Дед, ставя на доску лунку, — ты видишь? Это аул. А это — колодец. Ты должен набрать воды, чтобы напоить всех. Но колодцев девять, а жаждущих — бесконечность.

Искандер не понимал. Он смотрел на лунки, выдолбленные в старой, почерневшей от жира доске. В каждой лунке лежало по девять камешков. Девять раз по девять. Восемьдесят один. Магия числа девять жужжала в воздухе, как муха в жаркий полдень. Дед брал камешек, перекладывал его в соседнюю лунку, брал оттуда уже горсть и сыпал дальше, кругами, пока где-то в конце пути не образовывался туман — пустая лунка, означающая, что ты проиграл или выиграл, смотря как посмотреть.

— Жизнь, — шептал Дед, и его голос шуршал, как сухая трава, — это цепочка. Одно движение порождает другое. Ошибёшься — отдашь всё. Попадёшь — заберёшь у мира его силы. А ты должен быть хитрее. Хитрее ветра, который всегда знает, куда дуть.

За забором орал ишак. Его крик был тоскливым, как сирена поезда, идущего без остановок через всю страну. Где-то там, за путями, на «солянке», бабы грызлись из-за ведра с водой. Там, на «той стороне», жили те, кто строил ледзавод, — огромный, холодный монстр, который летом выдыхал мороз, а зимой стоял мёртвый, как мамонт. Искандер иногда бегал туда, смотрел, как грузят лёд. Мужики с красными, обветренными лицами кидали глыбы в вагоны, матерясь сквозь зубы, и лёд разлетался осколками, похожими на бриллианты нищеты. Он лизал эти осколки. Язык прилипал, выступала кровь, смешанная со сладкой талой водой. Ему казалось, что он пьёт саму пустоту.

В Арыси не было культуры в том смысле, в каком её понимают в больших городах. Не было музеев, где картины висят под охраной. Здесь культура была в пыли: когда ты идёшь по дороге, поднимается туча, и если закрыть глаза, кажется, что это души предков поднимаются к небу, чтобы посмотреть на тебя. Здесь культура была в голосах аксакалов, собиравшихся у чайханы. Они не говорили о политике. Они говорили о досках. О партиях, выигранных и проигранных. Они спорили до хрипоты, до того, что один бил себя кулаком в грудь, доказывая, что тот, другой, сыграл подло. Но в их спорах не было злобы. Была жизнь. Жизнь, которая текла не по руслу рек, а по руслу девяти лунок.

Искандер подглядывал. Он воровал мудрость, как воруют яблоки из чужого сада. Прижимался щекой к горячему забору, который пах свежеструганным деревом и навозом, и слушал. Старцы перебирали барашков — да, он называл их про себя «барашками», потому что эти костяные шарики были тёплыми от их рук — и говорили о «кийк», о «туздык», о «парнака»... Слова звенели, как монеты в кармане бездомного. Они не были учебными. Они были рубящими, как ятаган. Они отсекали лишнее.

Однажды он пришёл к Деду с мокрыми после солянки ногами и спросил:

— Дед, а ты знаешь, зачем мы играем?

Дед поднял на него глаза. Глаза у Деда были жёлтыми, как осенняя трава, но в них горел тот самый огонь, который не погас бы даже в ледяной пустыне.

— Мы не играем, — сказал Дед. — Мы торгуем. Судьбой.

И он взял камешек. Положил его в среднюю лунку. И сделал свой ход.

Это был миг, когда в голове Искандера что-то щёлкнуло. Как щёлкает реле на железной дороге, когда стрелка переводит состав на нужный путь. Он вдруг понял, что доска — это карта. Карта его города. Вот эта лунка — ледзавод, вот эта — вокзал, вот эта — шпалозавод, откуда вечно тянет гарью. А вот эта, пустая, — это его дом, в котором нет отца. И нужно перекладывать камни так, чтобы заполнить пустоту. Чтобы дом задышал. Чтобы мать перестала плакать по ночам, когда думает, что никто не слышит. Чтобы брат перестал хрипеть.

В тот вечер, когда солнце, багровое от пыли, лениво садилось за шпалозавод, Дед выиграл. Он забрал все барашки, оставив Искандеру лишь пустую доску.

— Запомни, — сказал Дед, — проигрывать — это не стыдно. Стыдно не понять, почему ты проиграл. Ты потерял камешки, но ты приобрёл опыт. Если ты запомнишь эту пустоту, она никогда не будет пустой.

И Дед ушёл в дом. А Искандер остался сидеть во дворе, глядя на доску. Поезд где-то далеко прогудел. Ишак замолк. Только ветер шелестел тополями, как будто сама степь перелистывала страницы его будущей книги, ещё никем не написанной.

Но Дед ошибся. Он не мог знать, что мальчик не просто запомнит пустоту. Он наполнит её. Вся жизнь он будет перекладывать костяные камешки, пока они не превратятся в буквы. Пока доска с девятью лунками не станет рукописью. Пока запах креозота не выдохнется из

лёгких, оставив место для мудрости. И пока Арысь — этот маленький, пыльный, забытый узел на карте железных дорог — не заговорит на языке, понятном всему миру.

Имя ему было дано не случайно. Искандер. По-арабски — защитник. Но кто мог знать тогда, в том дворе, под шиферным навесом, что этот мальчик защитит не крепость и не город, а душу целого народа? Что его оружием будут не сабля и не копье, а слово, запечатлённое в девяти лунках, между которыми течёт судьба?

Он смотрел на пустоту, а в пустоте уже шевелились тени. Тени предков, которые ждали. Ждали много лет. Ждали, пока мальчик с «той стороны» вырастет и превратит их голоса в книгу, которую никто не просил, но которая была нужна всем.

А за спиной у него, за пыльной дорогой, гудел ледзавод. Шпалозавод выдыхал свой ядовитый пар. И поезда уходили в бесконечность, оставляя Арысь наедине с её тайной.

Но тайна уже смотрела на мир глазами Искандера Арысова. И она ждала своего часа.

Глава вторая. Мальчик, который слышал стук костей

После того вечера, когда Дед оставил его одного с пустой доской, Искандер перестал быть просто мальчиком. Он стал учеником. Не тем учеником, который сидит за партой и зубрит таблицу умножения, — в Арыси таких было полно, и они вырастали в бухгалтеров и продавцов, которые до конца жизни считали чужие деньги. Он стал учеником другого рода. Учеником теней. Учеником стука.

Всё началось со звука. Как-то ночью, когда степь за окном спала тяжелым, беззвездным сном, а ишаки притихли, устав орать на луну, Искандер проснулся от того, что в доме кто-то шевелился. Он лежал на старой кошме, которая пахла овчиной и потом, и прислушался. Это был не скрип дверей. Не шаги. Это был сухой, ритмичный стук. *Тук-тук-тук*. Словно кто-то перебирал кости.

Мальчик встал. Босиком, по холодному земляному полу, прошел в комнату Деда. Дверь была приоткрыта, и в щели горел тусклый свет керосиновой лампы. Дед сидел за столом. Он не играл. Он просто перебирал костяные барашки, по одному, пропуская их между пальцами, как четки. Глаза его были закрыты. Губы шевелились, но слов не было слышно — только беззвучный шепот, похожий на шум ветра в сухой траве.

— Дед, — позвал Искандер.

Дед не открыл глаз. Он продолжал перебирать камешки, и каждый из них издавал тот самый звук — не звонкий, не глухой, а какой-то средний, как будто камень прощался с костью, из которой был вырезан.

— Я не сплю, — сказал Дед. — Я считаю. Считаю дни, которые прожил. Считаю партии, которые сыграл. Считаю ошибки, которые сделал. Когда камешки заканчиваются, начинается вечность.

Искандер подошел ближе. Он сел на корточки рядом со столом и стал смотреть. Дед открыл глаза — желтые, как осенняя трава, но теперь в них было что-то другое. Не огонь. Скорее, лед. Тот самый лед, который привозили на ледзавод в больших глыбах, чтобы охлаждать вагоны с мясом. Холодный, неподвижный, всевидящий.

— Хочешь узнать, что такое судьба? — спросил Дед.

— Хочу, — ответил мальчик, хотя в груди у него всё сжалось от страха.

Дед взял один камешек. Самый маленький, почти невесомый, и положил его на пустую доску.

— Это ты, — сказал Дед. — Маленький, круглый, гладкий. Ты лежишь на доске, и вся доска — это мир. Ты думаешь, что ты один. Но смотри.

Он взял другой камешек, побольше, и положил его рядом.

— Это я. Я рядом с тобой, пока я жив. А потом я уйду. И ты останешься один. Но если ты научишься слышать, ты никогда не будешь один. Потому что каждый камешек, который ты переложишь, будет помнить меня. Каждый стук будет моим голосом.

Дед взял третий камешек. И четвертый. И пятый. И выложил их в линию. Девять камешков в ряд — ровно на одну лунку.

— Запомни эту линию, — сказал Дед. — Это твой род. Твой путь. Твои предки. Когда я умру, ты будешь должен положить мой камешек в ту лунку, куда я покажу. И тогда мой дух успокоится. А дух отца — он уже успокоился? Он ушёл, не оставив даже камешка. Пустота. Ты должен заполнить эту пустоту. Для себя. Для тех, кто придёт после.

Искандер смотрел на линию из девяти камешков и чувствовал, как они пульсируют. Как живые. Как будто внутри каждого бьется маленькое сердце. Он протянул руку и дотронулся до самого крайнего. Камешек был теплым, хотя на улице стояла ночь и в доме было прохладно.

— Они живые, — прошептал он.

— Да, — сказал Дед. — Они живые. Пока мы их помним. Пока мы их перекладываем. Пока мы играем. Игра — это не забава. Это разговор с миром. Это молитва. Это спор с Богом. Ты кладешь камешек в лунку — и ты меняешь мир. Ты забираешь чужой камешек — и ты забираешь чужую судьбу. Ты создаешь туман — и ты создаешь пустоту. Но пустота — это не конец. Это начало.

Они сидели так до утра. Дед перекладывал камешки, а Искандер смотрел. Он не задавал вопросов. Он просто впитывал. Как губка впитывает воду. Как степь впитывает дождь после долгой засухи. С каждым стуком камешка о дерево в его голове открывалась новая дверь. В каждой двери была комната. В каждой комнате — голос. Голос предка. Голос степи. Голос самого времени.

Утром, когда солнце только начало подниматься над шпалозаводом, окрашивая небо в багровый цвет, Дед убрал камешки в замшевый мешочек и сказал:

— Теперь ты знаешь. Ты знаешь, что каждый камешек — это слово. Каждая лунка — это буква. Каждая партия — это предложение. Игра — это язык. Язык, на котором говорит наша земля. Ты должен выучить этот язык. Ты должен говорить на нём так, чтобы тебя услышали не только люди, но и ветер. И камни. И поезда, которые проходят мимо.

Искандер кивнул. Он ещё не понимал всех слов Деда. Он не знал, что через много лет эти слова превратятся в тома. Что запах креозота станет чернилами. Что стук костяных барашков станет ритмом его прозы. Он просто чувствовал: в эту ночь произошло что-то важное. Что-то, что изменит его навсегда.

Прошли недели. Месяцы. Сезоны сменяли друг друга, как камешки в лунках. Зима в Арыси была жестокой — ветер дул с севера, принося с собой колючий снег, который царапал лицо, как наждак. Лето было невыносимым — солнце плавilo асфальт, и на дорогах появлялись маслянистые лужи, в которых отражалось выгоревшее небо. Но Искандер не замечал ни жары, ни холода. Он был в другом мире. Мире девяти лунок.

Он стал ходить к чайхане, где собирались аксакалы. Прятался за углом и слушал. Теперь он не просто подглядывал — он понимал. Он слышал, как старики говорили о «туздыке» — стратегии, при которой ты отдаёшь противнику свои камешки, чтобы потом забрать у него больше. Он слышал о «киыке» — том моменте, когда партия переламывается, и проигравший вдруг становится победителем. Он слышал о «парнаке» — сложном, почти мистическом правиле, которое позволяло тебе забирать камни из лунок противника, если ты правильно рассчитал ход.

Имена аксакалов были как имена героев эпоса. Базарбай, который не проиграл ни одной партии за сорок лет. Кенжебек, который научил играть самого Чокана Валиханова, если верить легендам. Тастемир, который мог играть вслепую, просто ощущая пальцами расположение камешков. Они были живыми легендами. И Искандер запоминал каждое их слово, каждое движение, каждый взгляд.

Однажды, в жаркий полдень, когда аксакалы разошлись по домам, Искандер подошёл к Базарбаю. Старик сидел на корточках у чайханы и чистил ножом деревяшку — вырезал новую лунку для своей доски.

— Дедушка, — сказал Искандер, — научи меня играть по-настоящему.

Базарбай поднял голову. Глаза у него были выцветшими, почти белыми от старости, но в них была та же желтизна, что у Деда.

— Ты уже умеешь, — сказал он. — Я видел, как ты смотришь. Ты смотришь не на камешки. Ты смотришь на то, что между ними. Это правильно. Так смотрят только те, кто рождён для игры.

— Но я хочу играть, как вы, — настаивал мальчик. — Хочу чувствовать, когда нужно сделать туздык, а когда — кийк. Хочу предугадывать ходы противника на десять шагов вперёд.

Базарбай усмехнулся. В его усмешке было что-то печальное.

— Ты хочешь слишком многого, мальчик. Я играю сорок лет. Я знаю каждое движение. Но я не знаю, что будет завтра. Я не знаю, доживу ли до вечера. Игра — это не знание. Игра — это чувство. Ты должен чувствовать доску. Чувствовать камешки. Чувствовать того, кто сидит напротив. Если ты будешь чувствовать, ты будешь побеждать. Если нет — ты будешь проигрывать, даже если у тебя больше камней.

И Базарбай положил свою деревянную заготовку на землю, достал из кармана девять камешков, вырезанных из старых костей, и разложил их перед собой.

— Смотри, — сказал он. — Это простая партия. Но она научит тебя главному.

Он сделал ход. Переложил один камешек в среднюю лунку. Затем взял оттуда горсть и разложил по соседним. Затем остановился. Подумал. И переложил ещё один.

— Видишь? — спросил он. — Я отдал три камешка. Но теперь у меня открылась возможность забрать пять. Я пожертвовал малым ради большего. Это и есть жизнь. Иногда нужно терять, чтобы найти. Иногда нужно уходить, чтобы вернуться. Иногда нужно молчать, чтобы быть услышанным.

Искандер смотрел на доску. Камешки лежали ровно. Пустые лунки зияли темнотой. И вдруг он понял: Базарбай прав. Игра — это не про камни. Это про воздух между ними. Про ту пустоту, в которой прячется судьба.

— Я понял, — сказал он.

Базарбай покачал головой.

— Нет, мальчик. Ты ничего не понял. Ты просто почувствовал. Почувствовал, что мир больше, чем, кажется. Это хорошо. Но этого мало. Ты должен запомнить этот момент. Запомнить, как пахнет воздух. Как светит солнце. Как стучит твоё сердце. Потому что когда ты вырастешь и уедешь из Арыси, ты будешь вспоминать этот момент. И он будет твоим компасом.

Искандер не знал тогда, что Базарбай говорит о будущем. Он не знал, что через двадцать лет, сидя в Москве, в маленькой комнате, заваленной книгами и папками, он будет закрывать глаза и вспоминать этот жаркий полдень. Вспоминать запах чайханы — чай, пережаренное масло, пот и старость. Вспоминать выцветшие глаза Базарбая. Вспоминать стук камешков. И это воспоминание будет давать ему силы продолжать. Писать. Собирать. Искать. Идти вперёд, даже когда все вокруг говорят: «Остановись, это никому не нужно».

Но это будет потом. А пока он стоял на пыльной улице Арыси и смотрел, как старый аксакал убирает камешки в карман. Солнце стояло в зените. Где-то за шпалозаводом прогудел поезд. И Искандеру показалось, что он слышит в этом гудке голос Деда. Голос, который говорил: «Не торопись. Каждый камень — это чья-то судьба. Твоя судьба — быть тем, кто рассказывает об этом миру».

Он улыбнулся сам себе и побежал домой. По дороге он споткнулся о ржавый рельс, лежащий у обочины, и упал, разбив колено в кровь. Кровь смешалась с пылью, образовав на коже

липкую корку. Он посмотрел на неё и вдруг понял: эта корка — тоже камешек. Тоже слово. Тоже часть его судьбы.

Он поднялся, отряхнулся и побежал дальше. А за его спиной Арысь дышала. Шпалозавод выбрасывал в небо чёрный дым. Ледзавод гудел, охлаждая пустоту. И поезда уходили в никуда, унося с собой чужие судьбы, оставляя его, мальчика Искандера, наедине с его собственной, ещё не написанной историей.

Той ночью он снова не спал. Он сидел во дворе под шиферным навесом и смотрел на доску. Камешки лежали в лунках — Дед не убирал их после вечерней партии. Они были тёплыми от дневного солнца, хотя ночью в степи было уже холодно.

Искандер протянул руку и дотронулся до одного из них. И вдруг ему показалось, что камешек заговорил. Не словами — чувствами. Он почувствовал, что где-то далеко, в другом времени, другой человек перекладывает такой же камешек. Думает о том же. Чувствует то же. И между ними — нить. Нить, которая тянется через века. Нить, которую нельзя порвать.

— Ты не один, — прошептал он. — Ты никогда не был один.

И в ответ ветер шевельнул тополя, и листья зашелестели, как страницы книги. Мальчик поднял глаза к небу. Звёзды в степи были огромными — как будто кто-то рассыпал по чёрному бархату пригоршни алмазов. И каждая звезда была похожа на камешек. На слово. На судьбу.

Он не знал тогда, что через много лет, когда он напишет свою книгу, он посвятит её этим звёздам. И что люди, которые прочитают её, тоже почувствуют ту самую нить. Только тогда, много лет спустя, он поймёт, что всё это время он не просто собирал мудрость. Он собирал себя. Собирал свой народ. Собирал свою землю.

А пока он просто сидел на холодной земле, смотрел на звёзды и слушал, как дышит степь. И в этом дыхании был ответ на все вопросы.

Глава третья. Пустота, которая говорит

Дед умер на рассвете, когда степь ещё спала, укрытая серым одеялом тумана. Искандеру было одиннадцать. Он проснулся от того, что в доме стало слишком тихо. Тишина была другой — не той, которая бывает ранним утром, когда мир ещё не проснулся, а той, которая приходит, когда кто-то уходит навсегда. Она была тягучей, как патока, и вязкой, как глина после дождя. Она заполнила все углы, все щели, все лунки на доске, которая стояла на столе.

Мать плакала в углу, закрывая лицо подолом платья. Брат стоял у порога, курил и молчал. Его хриплое дыхание было единственным звуком, нарушавшим тишину. Но Искандер не плакал. Он стоял над телом Деда и смотрел на его лицо. Дед выглядел спокойным, почти молодым. Морщины разгладились, желтые глаза закрылись, и только пальцы, скрюченные артритом, всё ещё сжимали что-то невидимое.

— Он держал камешек, — прошептал Искандер. — Когда он уходил, он держал камешек. Мать подняла на него заплаканные глаза.

— Откуда ты знаешь?

— Я чувствую. Я слышу.

Искандер подошёл к столу, где лежал замшевый мешочек с костяными барашками. Он развязал тесёмку и высыпал камешки на доску. Их было девяносто два. Как всегда. Но одного не хватало. Того самого, маленького, почти невесомого, который Дед называл «тобой».

— Он взял его с собой, — сказал Искандер. — Он забрал мою судьбу.

Мать перекрестилась — она была русской, и крест был её единственной защитой от этой непонятной, чужой степи. Брат выдохнул дым и сказал хрипло:

— Теперь ты старший мужчина в доме. Это твой мешок. Твоя доска. Твоя игра.

Искандер взял мешочек. Он был лёгким — в нём было девяносто один камешек. И пустота. Пустота, которая тяжелее всех камней мира.

Он не пошёл на похороны. Он сказал, что у него болит голова, а сам ушёл на «ту сторону», к ледзаводу. Сел на холодные бетонные плиты, которые пахли солью и машинным маслом, и

посмотрел на степь. Солнце уже поднялось, разогнав туман, и степь лежала перед ним бесконечная, плоская, золотая. Казалось, что край земли находится совсем близко — достаточно протянуть руку, и можно дотронуться до горизонта. Но сколько бы он ни шёл, горизонт убегал. Он всегда убегал. Как Дед. Как отец. Как все, кто когда-то был рядом.

— Зачем ты ушёл? — спросил он у ветра. — Ты сказал, что я должен заполнить пустоту. Но как, если ты забрал с собой самый важный камешек?

Ветер не ответил. Но внутри Искандера что-то дрогнуло. Он достал из кармана замшевый мешочек, высыпал камешки на бетонную плиту и разложил их в девять рядов по десять. Девяносто. Один остался лежать в стороне, на месте девятой лунки, которая была пуста.

— Девяносто два, — сказал он. — Девяносто два слова. Девять лунок. Одна пустота.

Он закрыл глаза и попытался вспомнить голос Деда. Не слова — тембр. Тот шуршащий, сухой голос, который звучал как трава под ногами. Он вспомнил, как Дед перебирал камешки, как шевелил губами, когда считал ходы. Он вспомнил, как Дед клал руку ему на голову и говорил: «Ты слышишь стук? Это говорят предки. Слушай их. Они знают больше меня».

И вдруг Искандер понял. Дед не забрал камешек. Дед *стал* камешком. Тот самый маленький, почти невесомый шарик из бараньей кости теперь лежал не в замшевом мешочке, а внутри него. В груди. Там, где бьётся сердце. Дед стал его пульсом. Его дыханием. Его голосом.

— Ты здесь, — прошептал Искандер. — Ты всегда был здесь.

Он убрал камешки обратно в мешок, завязал тесёмку и прижал мешочек к груди. Камешки были тёплыми — хотя бетон был холодным, а солнце ещё не прогрело землю. Они дышали. Они жили.

Дни превращались в недели, недели в месяцы. Искандер перестал ходить в школу — не потому, что ленился, а потому, что школа не давала ему того, что он искал. Учительница, пожилая женщина с усталыми глазами, рассказывала о правилах русского языка и законах физики. Но Искандер уже знал другой язык — язык девяти лунок. Он знал другую физику — физику движения камешков по доске, где каждый ход менял гравитацию, а каждый туман переворачивал пространство.

Он ходил к аксакалам. Теперь он не прятался за забором — он сидел с ними за одним столом. Старики приняли его. Они видели в нём что-то особенное — не талант, нет, талантов в Арыси было много. Они видели в нём одержимость. Ту самую одержимость, которая была у них в молодости, когда они впервые взяли в руки костяные барашки и поняли, что это не игра, а судьба.

— Ты странный, мальчик, — сказал однажды Тастемир, старый, почти слепой аксакал, который играл вслепую. — Ты смотришь на доску так, будто видишь не камешки, а людей. Ты видишь их лица? Ты слышишь их голоса?

— Да, — ответил Искандер. — Я вижу их. Я вижу, как они боятся, когда я делаю туздык. Я вижу, как они надеются, когда у них остаётся один ход. Я вижу, как они умирают, когда я забираю их последние камешки.

Тастемир засмеялся. Его смех был похож на скрип старой телеги.

— Ты будешь великим игроком, мальчик. Но ты не станешь им, если будешь видеть только людей. Ты должен видеть время. Ты должен видеть, как камешки стареют, как они меняют цвет от прикосновений. Ты должен чувствовать, как доска дышит. Тогда ты победишь не только противника — ты победишь саму смерть.

Но Искандер не хотел побеждать смерть. Он хотел понять её. Он хотел понять, почему Дед ушёл. Почему отец ушёл. Почему мир устроен так, что одни уходят, а другие остаются с пустотой в груди. Он хотел заполнить эту пустоту. Но чем больше он играл, тем больше камешков он выигрывал, тем больше пустоты появлялось внутри.

— Это парадокс, — сказал он однажды Базарбаю. — Чем больше я забираю камней, тем больше места для пустоты. Почему?

Базарбай посмотрел на него с той же печальной усмешкой, что и в первый раз.

— Потому что ты не понял главного, мальчик. Мы не играем, чтобы забирать. Мы играем, чтобы отдавать. Каждый камешек, который ты забираешь, — это долг. Ты должен вернуть его. Ты должен положить его обратно в лунку, в мир. Иначе пустота съест тебя изнутри.

— Как съела Деда?

— Нет. Дед ушёл не от пустоты. Дед ушёл от полноты. Он отдал всё, что мог. Каждый камешек, каждое слово, каждую партию. Он оставил тебе не пустоту — он оставил тебе всё. Ты просто ещё не научился это видеть.

Искандер замолчал. Он смотрел на доску, где лежали девяносто один камешек — на один меньше, чем должно было быть. Пустая лунка зияла, как открытая рана. И вдруг он понял: эта пустота — не рана. Это дверь. Дверь, через которую нужно войти, чтобы найти ответ.

— Я должен её заполнить, — сказал он.

— Да, — ответил Базарбай. — Но не камешком. Чем-то другим. Тем, что тяжелее камня. Тем, что легче воздуха. Тем, что не умирает.

— Словом? — спросил Искандер.

Базарбай улыбнулся. В его выцветших глазах промелькнул огонёк.

— Ты понял. Ты понял больше, чем я думал.

С того дня Искандер начал записывать. Всё, что он слышал от аксакалов. Всё, что он чувствовал, когда играл. Всё, что он видел, когда смотрел на доску. Он записывал на клочках бумаги, на полях старых учебников, на обоях, которые отдирали от стен. Он записывал термины: туздык, кийк, парнак, орда, бас, кус. Он записывал правила: как начинать партию, как делать ход, как создавать туман. Он записывал истории: как великий хан играл в Тогыз кумалак перед битвой, и как игра показала ему, что он победит. Как бедный пастух выиграл у богатого бая свою свободу, переложив всего один камешек. Как девушка из аула обыграла самого мудрого старейшину, доказав, что разум не зависит от возраста.

Он не знал тогда, что создаёт энциклопедию. Он просто пытался заполнить пустоту. Заполнить её словами. Заполнить её голосами. Заполнить её теми, кто ушёл, но всё ещё был рядом.

Однажды ночью, когда луна висела над Арысью, как большой костяной камешек, Искандер сидел в своей комнате и перечитывал свои записи. Их было много — целая стопка пожелтевших, исписанных каракулями листов. Он перечитывал и перечитывал, и вдруг заметил, что в его записях есть одна пустота. Один пробел. Один несказанный термин.

— Как называется то, что я делаю? — спросил он вслух. — Когда я собираю слова, как камешки? Когда я перекладываю их из одной лунки в другую? Когда я создаю из них пустоту, которая говорит?

Он закрыл глаза. И в темноте перед ним возникла доска. Девять лунок. Девяносто два камешка. И один — его собственный — который Дед забрал с собой. И вдруг он понял, что все камешки на доске — это буквы. А лунки — это слова. А ходы — это предложения. А партия — это книга. Книга, которую он должен написать. Книга, которую никто не написал до него. Книга, которая будет голосом степи.

Он открыл глаза и взял чистый лист бумаги. Наверху он написал: **«Тогыз кумалак. Энциклопедия степной мудрости»**.

Ниже — посвящение: *«Городу Арысь, где прошло моё детство, где я впервые услышал слово "Тогыз кумалак" и где стены старого дома до сих пор хранят эхо вечерних партий с дедом. Этой книгой я кланяюсь тебе, мой маленький и великий город»*.

Он писал до утра. Впервые в жизни он не перекладывал камешки — он перекладывал буквы. И в каждом слове, в каждой строчке, на каждой странице он слышал голос Деда. Голос, который говорил: «Не торопись. Каждый камень — это чья-то судьба. Твоя судьба — быть тем, кто расскажет об этом миру».

За окном занимался рассвет. Где-то за шпалозаводом прогудел поезд. Ишак заорал свою тоскливую песню. А Искандер Арысов, мальчик с «той стороны», с утратой в груди и с мешочком костяных барашков в кармане, написал первую страницу своей книги.

Он не знал тогда, что это займёт двадцать лет. Что он будет писать в поездах, в аулах, в библиотеках, в Москве, в Алматы. Что он будет терять и находить, отчаиваться и верить, падать и подниматься. Что он пожертвует всем — деньгами, карьерой, семьёй, здоровьем — ради этой книги. Что в конце концов он напишет её. Что она будет издана. Что она изменит жизнь целого народа. Что его имя — Искандер Арысов — будет вписано в историю казахской культуры как имя летописца, собирателя, стража.

Но это будет потом. А пока он сидел в своей комнате, при свете керосиновой лампы, и перекладывал буквы, как когда-то Дед перекладывал камешки. И пустота внутри него поне-много заполнялась. Заполнялась голосами. Заполнялась словами. Заполнялась судьбой.

Он поднял глаза к окну. Солнце уже поднялось над степью, окрасив небо в багровый цвет. И ему показалось, что на горизонте стоит Дед. Стоит, улыбается и держит в руках маленький костяной камешек.

— Я сделаю это, — прошептал Искандер. — Я сделаю это для тебя. Для Арыси. Для всех нас.

И ветер, ворвавшись в открытое окно, шевельнул страницы его рукописи, как будто сама степь перелистывала их. И в этом шелесте был ответ. Ответ, который он искал всю свою жизнь.

Глава четвертая. Поезда, которые уходят в никуда

В шестнадцать лет Искандер Арысов понял, что Арысь — это не город. Это вокзал. Место, куда приходят и откуда уходят. Место, где ты ждёшь своего поезда, зная, что он обязательно придёт, но, не зная, в какую сторону тебя увезёт. И если ты останешься на перроне слишком долго, ты превратишься в одного из тех стариков, которые сидят на скамейках и перебирают костяные камешки до самой смерти.

Он не хотел становиться стариком. Не сейчас. Не тогда, когда внутри него ещё бурлило что-то огромное, как степная река в половодье. Не тогда, когда он чувствовал, что его книга — та самая, которую он начал писать в ночь после смерти Деда — ждёт его где-то за горизонтом.

Мать смотрела на него тревожно. Её пальцы, пахнущие мелом, всё ещё были тонкими, но теперь они дрожали. Она боялась. Боялась, что сын уедет и не вернётся. Боялась, что его проглотит большой город, о котором она знала только из телевизора. Боялась, что он, как и его отец, исчезнет, оставив после себя только пустоту.

— Зачем тебе ехать в Шымкент? — спрашивала она. — Здесь есть школа. Здесь есть учителя. Ты можешь закончить десять классов и пойти работать на железную дорогу, как твой брат. Это хорошая работа. Надёжная.

Искандер смотрел на неё и видел в её глазах ту же пустоту, которая была в доске после смерти Деда. Только в доске пустота была священной. А в глазах матери она была страшной.

— Я не хочу быть надёжным, — отвечал он. — Я хочу быть нужным.

— Ты нужен мне, — говорила мать. — Ты нужен своей семье.

Искандер качал головой. Он знал, что она не поймёт. Как не понимала она, когда он по ночам сидел над своими записями и перечитывал их снова и снова. Как не понимала, когда он отказывался идти в гости к соседям, потому что ему нужно было записать правила, которые он услышал от Тастемира. Как не понимала, когда он улыбался, глядя на пустую лунку на доске.

— Я нужен не только тебе, — сказал он однажды. — Я нужен всем. Всем, кто когда-то играл. Всем, кто когда-то жил. Всем, кто когда-то ушёл. Я нужен им.

Мать заплакала. Она плакала тихо, как умеют плакать только учительницы, которые привыкли сдерживать слёзы на уроках. Она плакала, потому что понимала: её сын уже не её. Он принадлежит чему-то большему. Чему-то, что называется судьбой.

Брат отвёз его на вокзал. Было раннее утро, и степь ещё спала, укрытая серым туманом. Поезд стоял на первом пути — старый, ржавый, с облупившейся краской, но всё ещё живой. Он пытел, как огромный зверь, готовый сорваться с цепи.

— Ты уверен? — спросил брат хрипло.

Искандер посмотрел на него. Брат уже не был тем парнем с серыми руками, который хрипел по ночам. Он был мужчиной. Мужчиной, который взял на себя ответственность за дом, за мать, за всё, что осталось. И в его хрипе теперь слышалась не усталость, а мудрость.

— Уверен, — ответил Искандер.

Он достал из кармана замшевый мешочек с костяными барашками. Девяносто один камешек — на один меньше, чем положено. Он развязал тесёмку, высыпал камешки на ладонь и посмотрел на них. Они были тёплыми. Как всегда.

— Ты возьмёшь их с собой? — спросил брат.

— Они всегда со мной, — сказал Искандер. — Они внутри меня.

Он завязал мешочек и спрятал его во внутренний карман пиджака. Пиджак был старым, отцовским, с вытертыми локтями. Мать настояла, чтобы он взял его. «В городе нужно выглядеть прилично», — сказала она.

Поезд загудел. Искандер обнял брата. Брат пах мазутом и потом — запахом Арыси, запахом работы, запахом жизни, которую он выбрал.

— Пиши, — сказал брат. — Пиши каждую неделю. Хотя бы по две строчки. Чтобы мать не плакала.

— Буду писать, — ответил Искандер.

Он взошёл на ступеньки вагона. Поезд дёрнулся, и земля под ногами начала ускользать. Он посмотрел в окно. Брат стоял на перроне, маленький, чёрный на фоне рассветного неба. Рядом с ним — несколько фигур в тёмных пальто. Провожающие. Слёзы. Прощания. Всё как в кино, только без музыки.

Искандер не плакал. Он смотрел на Арысь, которая медленно уплывала вдаль. Вот шпалозавод выбросил в небо чёрный дым. Вот ледзавод загудел, выпуская пар. Вот водонапорная башня, похожая на старую женщину в платке. Вот тополя, которые казались миражами в знойном воздухе. А вот и «та сторона» — его сторона — с её пыльными дорогами, солянкой и ржавыми рельсами, лежащими у обочины.

— Прощай, — прошептал он. — Я вернусь. Я обязательно вернусь.

Но даже тогда, в шестнадцать лет, он знал: он врёт. Он не вернётся. Не таким, каким уехал. Потому что, когда уезжаешь из маленького города, ты оставляешь там часть себя. И эту часть уже нельзя забрать. Можно только помнить. Можно только перекладывать камешки в памяти. Можно только писать.

Шымкент встретил его запахом асфальта и бензина. Город был большим, шумным, суетливым. Здесь не было тишины степи. Здесь всё двигалось, всё бежало, всё куда-то спешило. Люди носили в себе ту же пустоту, что и он, но они не пытались её заполнить — они просто бегали от неё.

Искандер снял комнату в общежитии — маленькую, грязную, с окном, выходящим на железную дорогу. Он выбрал её специально. Ему нужно было слышать поезда. Нужно было чувствовать, что мир движется. Нужно было помнить, что он не один.

Он поступил в педагогический институт на филологический факультет. Не потому, что хотел стать учителем — он хотел понять, как устроен язык. Как слова становятся голосами. Как голоса становятся историями. Как истории становятся судьбой.

Профессора удивлялись. Студент из маленького железнодорожного городка, с оттопыренными ушами и старым пиджаком, писал эссе лучше всех. Он писал о степных легендах, о кочевых традициях, о Тогыз кумалак. Он писал так, как будто сам был частью этих легенд. Как будто его пальцы помнили не только буквы, но и костяные камешки.

— Откуда ты это знаешь? — спрашивали его.

— Я вырос там, где это — воздух, — отвечал он.

Он не говорил им о девяности одном камешке. Не говорил о замшевом мешочке, который всегда был с ним. Не говорил о пустоте, которая внутри. Он берег эти тайны. Они были его топливом. Его двигателем. Его целью.

В свободное время он ходил в библиотеки. Шымкентские библиотеки были беднее московских, но они хранили книги, которых не было в Арыси. Книги о Чокане Валиханове, о Шакариме, об этнографии казахского народа. Искандер перечитывал их снова и снова, делал пометки, сравнивал. И чем больше он читал, тем больше понимал: он не один. Где-то в этих книгах, в этих строчках, в этих выцветших страницах живут те же голоса, что и у него. Те же камешки. Та же пустота.

Но они не полные. Они не целые. Это фрагменты. Это куски мозаики. Чтобы собрать её целиком, нужно объехать всю страну. Нужно поговорить с каждым аксакалом, который помнит правила, которые уже не записаны. Нужно записать их голоса, пока они не ушли навсегда. Нужно создать книгу. Энциклопедию. Голос степи.

Он понял это в одну из ночей, когда сидел в своей комнате и смотрел на пролетающие поезда. Окно было открыто, и в комнату врвался ветер — уже не тот, степной, а городской, пропитанный бензином и шумом. Искандер достал замшевый мешочек, высыпал камешки на стол и разложил их в девять рядов по десять. Девяносто. Один лежал в стороне. Пустота.

— Я знаю, что ты здесь, — сказал он. — Ты всегда здесь. Ты — голос, который я должен услышать. Ты — слово, которое я должен написать. Ты — книга, которую я должен создать.

Он взял ручку и лист бумаги. Наверху написал: **«Тогыз кумалак: Энциклопедия степной мудрости»**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.